

Андрей Бильжо

ДЕЛО СЛУЧАЯ

Заметки авиапассажира

Рейс No.

06

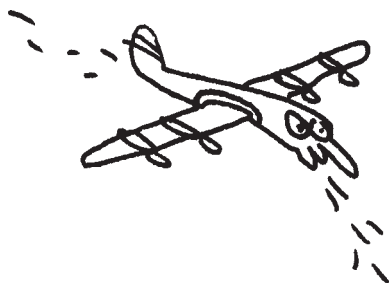
самом начале 90-х, когда я работал в газете “Коммерсант”, то ли за мои заслуги, то ли чисто по дружбе меня отправили отдохнуть на недельку в Канны за счет заведения. Лететь я должен был до Марселя, а оттуда поездом до точки назначения. В самолете я уже расслабился и снял туфли. Ноги задышали шумно и жадно. Со мной летел еще кришнаит. Почти голый, без вещей и босой. Ноги у него были грязные, черного цвета, и эту московскую грязь он вез в Марсель. А еще был черный парень с детенышем в сумке на груди. Парень все время улыбался белозубой лучезарной улыбкой, как шахтер с обложек советского “Огонька”.

В Канны я прибыл поздно. Уставший, скинув одежду, пошел в ванную и там, абсолютно голый, остолбенел. Нет, не от роскоши, а от незнания, как включить воду. Я вообще первый раз был в нормальном

европейском отеле. Я стал судорожно все крутить, вертеть, давить, тащить. Когда я окончательно озверел, вода вдруг из душа вырвалась, как из брандспойта. В этой суете, спасаясь от струи воды, не зная, как ее урезонить, измученный, я наступил на какую-то пипочку... На ту, что торчала из отверстия для слива воды в ванне. Я не сразу понял, в чем беда. Когда же ванна наполнилась до половины, я стал пытаться вытащить эту пипочку, чтобы вода ушла. Ничего не получалось. Тогда, выключив воду непонятным способом, голый и мокрый, я сел и в позе мыслителя стал думать. Через полчаса секрет был раскрыт. Не могу здесь не рассказать одну не мою историю.

У меня некогда была близкая подруга Маша Гальская, которая жила в соседнем с моим доме. И, как мне казалось, мы были очень духовно близки. Однако, как только Маша переехала на новую квартиру, она из моей жизни по своей инициативе исчезла в одночасье. Оказалось, что близки были только наши дома. Но это я так, о больном. Так вот, Маша, умница, профессор-лингвист, франкофон, поведала мне такую историю, которая с ней произошла. Думаю, она не обидится, узнав, что эту историю я рассказал в своей книге. Она писатель, поймет.

Маша первый раз оказалась в Италии. Усталая, вошла в свой номер в отеле. Разделась и голая пошла принимать ванну, чтобы эту усталость снять. Налила себе холодного шампанского. Впрочем, если это Италия,

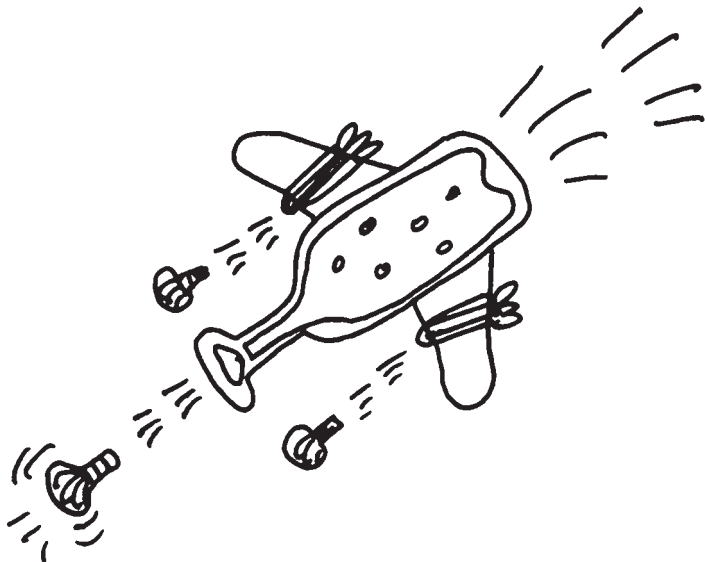
то “Проссеко”. И расслабилась. Думала о чем-то своем, девичьем. Или нет, Маша могла думать и о чем-то очень серьезном. Задумавшись, она автоматически трогала разные ручки смесителя, а потом, увидев шнурок, свисавший из стены, решила за него подергать. Дернула раз, два, три. Ничего не происходит. И вообще непонятно, зачем здесь этот шнурок. Сквозь гул воды Маша слышала какой-то стук в дверь, голоса, шум, но не сочла, что это имеет к ней какое-то отношение. Дальше события развивались стремительно. Выломанная дверь с грохотом упала. Серьезные мужчины в комбинезонах ворвались в ванную и вытащили, голую, в мыльной пене, Машу, как Афродиту. И потом мужчины пытались делать Маше массаж сердца и дыхание рот в рот, разложив ее на кровати. Придя в себя, Маша стала объяснять им, что с ней все в порядке. Оказалось, что этот безобидный шнурок — SOS. Экстренная медицинская помощь, если вдруг станет плохо с сердцем в ванной. Так что нужно всегда быть осторожным в новых местах. И прежде чем за что-то подергать, подумать. Но вернемся в Канны.

Завтракал я в отеле, как и положено. В первое же утро пошел на веранду на свежий каннский воздух, набрав предварительно всяких булок. Оставив их на столе, отправился наливать чай. И в это время стоя ободренных каннских голубей села на мои булочки и принялась их топтать и трепать. Когда я прибежал с чайником, было уже поздно. Мои булки были расклеваны, стол усеян крошками и засран голубями мира, воспетыми Пикассо.

Зато по утрам я купался и загорал на пляже, где мужчины ходили в мокрых трусах до колен — мода на такие плавки тогда только появилась, а женщины всех возрастов были с голой и разной грудью. Причем купальники у них были закрытыми и строгими. Выходя же из воды, дамы резкими движениями сдергивали верхнюю часть купальника вниз. Грудь вырывалась на свободу, радостно выпрыгивая, и таращилась на солнце своими сосками.

Мой друг и тогдашний начальник в “Коммерсанте” Никита Головнин сказал мне, что кроме отдыха у меня будет еще одна функция: ходить в казино с его женой. И чтобы я для этого взял с собой пиджак, так как без пиджака в казино не пускают мужчин и женщин без мужчин в каннское казино не пускают тоже. Так что мужчина в пиджаке был необходимой частью женского набора для казино.

Здесь я, пожалуй, сделаю маленькую посадку и объясню, что пиджака у меня как раз не было. Ни одного. И вот как он у меня появился.

Посадка. Проданный взгляд

Андрей Васильев, в простонародье Вася, в то время из “Коммерсанта” ушел, и у него было маленькое рекламное агентство под названием “юрийгагарин”, которое обрело свою вторую жизнь в проекте “Гражданин поэт”, где Михаил Ефремов читал стихи Дмитрия Быкова.

Это агентство тогда получило заказ на съемку заставок для программы Леонида Парфенова “Намедни”. Заставок предполагалось много: к разделу про моду, погоду, искусство и т.д. и т.п. Во весь телевизионный экран должны были быть большие выразительные, умные, интеллигентные глаза, с легкими морщинками вокруг. Чьи-то — но не автора и ведущего программы, так объяснял Вася. Искали нужного персонажа долго...

Рассказывая мне эту историю, Вася вдруг сделал паузу, попросил меня снять очки, пошевелить бровями и через минуту разглядывания моих глаз сказал, что я ему подхожу и что он даже заплатит мне деньги за съемку, и я наконец смогу себе купить пиджак. А снимать меня будет оператор Георгий Иванович Рерберг. Великий Рерберг, снявший много чего, но главное — “Зеркало” Тарковского. От такого предложения мог отказаться только сумасшедший, а не бывший психиатр.

На следующий день меня повезли показывать к мастеру домой. Рерберг немного со мной поговорил и быстро утвердил на эту “роль”.

Снимали на каком-то телефонном узле, в помещении службы “Секс по телефону”. Телефонисток не было. Стояла глубокая ночь, да еще воскрес-

РЕРБЕРГ ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ
28.09.37 - 28.07.99
СОВЕТСКИЙ И РОССИЙСКИЙ
КИНООПЕРАТОР. Снял массу
ЧУДЕСНЫХ И ВЕЛИКИХ ФИЛЬМОВ,
ТАКИХ КАК: ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ;
ДЯДЯ ВАЦЯ; ДВОРЕЦКОЕ ГЦЕЗАО;
ЗЕРКАЛО; ЗАРАВСЬУЧТЕ, Я ВАША
ТЁТЯ; ЛЮМБУМ, ЧИ ОНАСАЯ
ИГРА И МНОГИЕ ДРУГИЕ
НАРОДНЫЙ АРТИСТ РСФСР.

ная. Видимо, в это время секс по телефону не востребован нашим народом. Съёмки длились почти четырнадцать часов. Все это время я артистично пялился в камеру Рерберга, выполнял все его задания, шевелил бровями, надевал всевозможные очки. Для заставки к разделу “Искусство” очки мне должны были нарисовать прямо на лице, причем реалистично. Художницей была большегрудая девушка. Рисую, она практически легла на меня, положив свою грудь мне на плечи и придвинув свое лицо к моему максимально близко. Дышать было трудно по разным причинам. Этот садизм я выдержал минут пятнадцать. После чего, весь вспотевший, я сказал ей, что сам художник. Взял зеркало и за минуту нарисовал на себе очки.

Когда, отработав восемь часов, не чувствуя спины и потеряв голову, в перерыве мы с Васей забились в какой-то угол и, разлив водку, я поднес стакан ко рту, вдруг неизвестно откуда появившийся Рерберг на ходу бросил в нашу сторону: “Актеру пить нельзя — глаза будут красные...” Мне было досадно и лестно. А Вася, конечно, махнул.

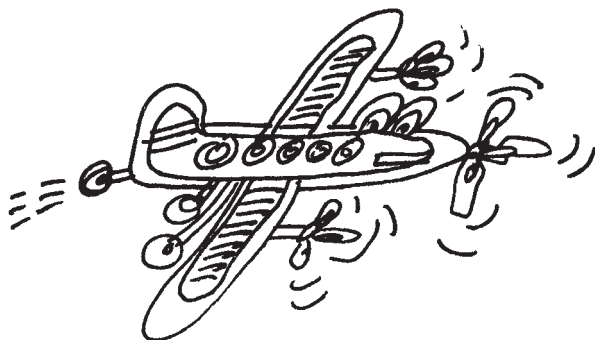
Последний эпизод снимали такой. Я сижу как бы за лобовым стеклом машины, по которому стекает вода. Типа идет дождь. Два человека держали это стекло, третий — держал чайник, из носика которого валил пар, а четвертый дул на этот пар, чтобы он оседал на стекле. Я тогда еще спросил Георгия Ивановича: “А «Зеркало» вы так же снимали?” — “Почти так”, — ответил он.

И вот уже все отснято, и все расслабились, и тут я... кто меня дернул за язык, не знаю... “А давайте, Георгий Иванович, снимем с мокрым снегом?..” — “А где мы возьмем сейчас мокрый снег?” — “А в морозильнике...” И тут я поймал на себе два десятка взглядов, выражающих лютую ненависть. “Все остаются на своих местах. Съемка продолжается”, — крикнул Рерберг. Он куда-то убежал, потом прибежал с полным пакетом снега.

В конце он сказал: “Это лучший непрофессиональный актер, с которым я когда-либо работал”. Сказал, и все это слышали. Так что я здесь хвастаюсь. А где же еще? А заставки с моей физиономией так по непонятным причинам и не вышли. Все переснимали по новой с Леонидом Парфеновым.

В итоге я получил двести долларов и купил себе пиджак, в котором и пошел в то самое казино в Каннах. Все, посадка окончена.

При входе в казино у нас попросили паспорта и внесли в свою базу данных. В игровом зале царила полная тишина. Все говорили, если говорили, шепотом. Пахло ароматным трубочным табаком, сигарами и духами. Естественно, французскими! Господа были в бабочках или в шейных платках, дамы в вечерних туалетах и бриллиантах. Всем далеко за шестьдесят. Такой клуб обеспеченных пенсионеров. Подчеркиваю, это был конец 90-х, когда в нашей стране никаких казино еще не существовало. Играл я на “красных” и на “черных”. Мне объяснили, что это самое простое и меньше

риска. Когда я выиграл сумму, равную десяти долларам (не помню, сколько это было франков), я играть прекратил. А зачем рисковать? Это для меня были вполне приличные деньги.

Во второй раз я уже осмелел. Я ставил на числа, которые соответствовали нашим родным советским праздникам (должна же быть какая-то система). 23 февраля, 7 ноября, 9 мая; присутствовали и международные праздники — 1 мая, 8 марта и, конечно, Новый год — 31 декабря. На этот раз, внутренне ощущая имманентную связь с родиной, я разорил французов. Я уносил с собой пачку франков, равную двумстам долларам. Сумма по тем временам огромная. Для справки — вывезти из страны можно было только триста.

На радостях я решил пойти в ресторан. Хватит запивать багет с ветчиной дешевым вином из горлышка, сидя на лавочке в парке. Впрочем, для родившихся в СССР это занятие более чем привычное. Выбирал ресторан я долго. Сел, сделал заказ и стал ждать. Вдруг ресторанная певица запела на русском языке арию “Кармен” из одноименной оперы Бизе: “У любви, как у пташки, крылья...” Она пела и смотрела на меня. Закончив, певица устремилась в мою сторону. “Привет, ты откуда? Я из Саратова...” Она села за мой столик. Выпила. Заказала еще. Рассказала, что хозяин ресторана ей мало платит. Обижает ее. Что она очень рада, что хоть редко, но все-таки здесь стали появляться русские. Что она тоскует по родине.

Она уходила петь и возвращалась. Потом я ей рассказал про выигрыш в казино. Она расплакалась, спросила, не могу ли я ей одолжить до завтрашнего вечера денег. Мол, ей нужно отдать долг, а вечером она получит зарплату и все мне вернет. Я расплатился по счету и оставшиеся выигранные деньги отдал ей в долг. На следующий вечер я пришел в этот ресторан. Пела афрофранцуженка. “Нет, месье, мы не знаем, где русская Наташа. Она здесь больше не работает”. Вот такой произошел казус. Между прочим, “казо” по-итальянски значит “случай”.

А в самое известное в мире казино в Монте-Карло я тогда заглянул. В зал меня не пустили, хоть я и был в пиджаке. Но зато я воспользовался их шикарным туалетом. Чему был несказанно рад. Отметился, так сказать.

А в нашей стране в появившихся казино я практически не был, и даже когда туда попадал, ни во что не играл. Мне просто неинтересно. Интереснее было наблюдать за игроками. Бурный патологический рост казино, а потом и их моментальная смерть были впереди. Всё. Посадка окончена.

А это картинки про кино. Точнее, про съёмки кино. Кстати, история, которую я рассказываю в этой главе, произошла за долго до моего появления на телевидении, где я успел поработать довольно много и на НТВ в программе "Итого", где я был мозговедом; и на ОРТ и ТВС, где шёл мой мультфильм; и на РЕНТВ, где я вёл программу "воспитательный час"; и опять на НТВ, где год шёл мой сериал "Герасим и Муму"; и на Питерском канале где я вёл ток-шоу "Наболевший вопрос"; и на телеканале "Мир" где я вёл ток-шоу "Слово за слово" я даже трижды умудрялся получить за "Итого" командочку.

